

РАДУЛЕ М. СТИЙЕНСКИЙ

ЧЕРНОГОРСКИЕ
СКАЗКИ

ДЕТИЗДАТ НК ВАРНА

1 9 3 7

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИТАТЕЛЯМ	3
СТАРОДАВНЯЯ ПЕСНЯ	11
СКАЗКА О ТОШЕ	16
СКАЗАНИЕ О ШОГО ШОГОНИЦЕ И ОДНОГЛАЗОМ ДИВЕ .	21
ДЕВИЧИЙ БОР	39
ОБРЕН САМОРАНЫЙ	48
СКАЗКА ПРО КЕСАРЯ ДУКЛЯНА И ПРОРОКА ИЛИЮ, ЧЕРНОГОРСКОГО ДЕЛИЮ	65

РАДУЛЕ М. СТИЙЕНСКИЙ

ЧЕРНОГОРСКИЕ СКАЗКИ

Перевод с сербского
Арк. ШТЕЙНБЕРГА

Рисунки
В. ТАУБЕРА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

Милич Добрый

ЧИТАТЕЛЯМ

В 1929 году умер мой дедушка с отцовской стороны, Милич Ийокичин Маркович Пипер, известный всей Черногории под прозвищем Милич Пипер Добрый.

Он умер 113 лет отроду.

Вся его семья—дети, внуки и правнуки, коммунисты и комсомольцы—была в это время в фашистских тюрьмах или в изгнании. Бедный старый гайдук¹ остался совершенно один в полуразрушенной хижине, затерянной высоко в горах. Односельчане, соседи, товарищи по племени не навещали его, боясь преследований жандармов. Ни один человек не видел, как он умирал, но, когда весть о его кончине прокатилась по Черной Горе, со всех концов страны, от Приморья до Метохии, собрались юнаки² отдать ему последний долг.

Несметная толпа проводила Милича Доброго к месту его последнего успокоения—к Марковичевой пещере. Ему отдали воинские почести: громовой салют из сотен москочок³,

¹ Гайдук — воин, партизан.

² Юнак — богатырь, герой.

³ Москочка — русская винтовка.

длинноствольных джефердаров¹ и пистолей возвестил о том, что земля черногорская приняла одного из последних представителей легендарного юнацкого рыцарства.

Узнав о смерти любимого деда, признаюсь, заплакал я от горя и досады. Горько мне было, что я не мог согреть его старые руки в своих ладонях, не мог принять последний вздох его и закрыть ему глаза. Я плакал, сознавая, что этот жизнерадостный, добросердечный, отважный и бодрый старик мог бы прожить еще немало лет на радость себе и всей Черногории.

После смерти дедушки я начал собирать все, относящееся к его памяти. Я расспрашивал о нем боевых товарищей его, величественных черногорских стариков, я обошел всех родственников и записывал их воспоминания о Миличе Пипере. Одновременно я стал записывать свои собственные воспоминания о дедушке, его рассказы о бесконечных битвах с турками, о черногорской старине; наконец, я записал по памяти народные сказки, которые он рассказывал с большим искусством. Всего я припомнил и записал свыше двухсот сказок; однако, это лишь небольшая часть сокровищницы покойного. Память его была неистощима. Почти не было вечера, чтобы Милич, уступая настойчивым просьбам своих внуков, а зачастую и взрослых детей и даже соседей, не рассказал или, вернее, не спел, играя на гуслях, какую-нибудь сказку или юнацкую былинку.

Мой дедушка Милич Пипер был живой книгой истории черногорского народа.

Суровая и прекрасная страна моя родная Черногория! Дикие, неприступные скалы, поросшие вековыми соснами, дубами и буками, туманные ущелья, куда никогда не проникает солнечный луч, альпийские луга, полные пчелиного гула и треска кузнечиков,—неприступной крепостью высится Черногория над Адриатическим морем.

¹ Джефердар — старинная винтовка.

Пятьсот лет назад сюда, в ущелья и пещеры Черной Горы, отступили сербские отряды, теснимые турками. Так образовалась Черногория. Вся история черногорского народа — это история непрерывных войн. Стамбульские султаны посылали к Черной Горе своих отборных головорезов — янычаров. Но не могли они выбить черногорских орлов из их гнезд, так же как не могли этого сделать ни сицилианские корсары, ни венецианские полководцы, ни даже маршалы Наполеона.

Отгороженный от всего мира, черногорский народ рос, как народ воинов и героев.

Мужество и смелость черногорского народа особенно проявились в наши дни, когда после мировой войны, в 1918 году, Черногория была отдана во власть сербских капиталистов. С того дня не смолкают выстрелы в Черногории, идет борьба черногорцев с сербскими жандармами, отнявшими их свободу.

В 1921 году в Черногории вспыхнуло восстание под лозунгом: „Вместе с Советской Россией, за Советскую Черногорию“. Восстание было жестоко подавлено, но от него остался великий след, и борьба продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока действительно не будет Советской Черногории.

Народ моей родины хотя и полукочевой, хотя и бедный, но дружный и выносливый в работе. Черногорцы чаще всего работают мобе — бригадами: сегодня одному посеют, вспашут, завтра — другому, так всем по очереди. Зимними вечерами они любят собираться друг у друга в хижине. Тот, у кого должны собраться, предупрежден заранее: он приготовит много дров и в этот вечер разведет большой костер.

Наступает вечер, черногорцы стекаются в хижину, переключаются с горы на гору, через ущелья, и часто зов их сопровождается выстрелами из револьверов, которые они всегда носят за поясом. Когда соберутся, поют хором песни, потом кто-нибудь на гуслях играет и поет длинную былинку про старые годы. А потом начинается самое интересное: слушают сказки стариков. И расходятся уже перед самой зарей.

Сколько чудесных сказок выслушали я и мои близкие и все наши друзья от дедушки моего Милича Доброго!

Помню зимний вечер, один из многих зимних вечеров моего детства. Вся семья собралась в комнате, в единственной комнате нашей родовой хижины. Здесь же и домашний скот: лошади, жующие душистое сено, робкие овцы, ютящиеся по углам; их глаза, большие и выпуклые, светятся во мраке, отражая живое пламя огнища. Милая мать моя сидит за прялкой, суча бесконечную серую нить. Отец аккуратно режет у себя на коленях листовую табак, время от времени подкладывая в огонь дрова. Дедушка сидит возле самого пламени. Неподвижно смотрит он в огонь и думает...

Мы, дети—сестры Стоя и Зара, братья Ийоле, Мирко и я,—шепчемся между собой. Чем бы заняться? Немногочисленные книжки зачитаны до дыр, знакомы наизусть, игры надоели, и вот мы выделяем „делегата“ к дедушке.

— Дедушка!

Старик нехотя отрывается от своих мыслей:

— Что тебе?

— Дедушка... спой сказку!

— Нет, Радуле, не проси... Ведь только вчера я пел вам про Девичий Бор.

— Ну, и сегодня спой!

— Спой, спой, дедушка!—подхватывает нестройный детский хор.

— Спой нам, дед!—поддерживает мать, сама большая охотница до сказок.

— Спой, Милич, прошу...—присоединяется отец, подбрасывая полено в огнище.

Старик молчит. Он попрежнему глядит на огонь, вспыхнувший с новой силой, и только белые усы его едва вздрагивают, прикрывая улыбку.

— Ийоле,—говорит он внезапно,—подай сипсию¹. Зара,

¹ Сипсия — трубка.

принеси чесу с дуваном¹! Мирко, набей сипсию! Ты набиваешь лучше всех... Стоя, положи уголек!

Приказания дедушки исполняются мгновенно. Он берет набитую и раскуренную трубку, делает две-три глубокие затяжки и, окутавшись синим дымом, медленно произносит:

— Радуле, достань гусли!

Я стремглав бегу к стене, снимаю гусли и смычок, висящие на ржавом костыле рядом с джефердаром — ровесником самого Милича Пипера. Дедушка берет у меня гусли, намеренно долго возится с ними, сушит кожу у огня и, когда напряженное молчание семьи готово прерваться потоком новых нетерпеливых просьб, говорит:

— Не знаю, что бы вам такое спеть...

— Про Шого... Про Обрена... Про Марко Королевича...

— Тише, тише... дайте подумать...

И, взмахнув гудачом, он начинает сказку.

Затаив дыхание, слушаем его мы, дети. Отец оставил свой нож и табак и, подперев голову кулаком, внимательно прислушивается к песне Милича, и только мать у своей прялки все сучит да сучит бесконечную серую нить. Жужжит веретено, овцы переступают с ноги на ногу, стуча копытцами, лошади хрустят сеном, воет зимняя вьюга за стенами хижины, сложенными из громадных камней, проросших мхом, глухо бормочут языки пламени в огнище, и надо всем, покрывая все звуки и шумы, рокочет волосяная струна и задушевный старческий голос выразительно повествует о приключениях Обрена Самораного, о хитром Шого Шогонице и одноглазом Диве...

Помню, однажды дед распахнул джамадан² и стал греть у огнища грудь. Я увидел на его груди большой круглый шрам с неровными краями. Спросил я у дедушки, что это, мол, такое, и старик рассказал мне следующую историю:

— Завязался бой с турками около города Спужа. Дым поднялся столбом, ничего не видно! Джефердары гремят, пистолы

¹ Чеса с дуваном — кисет с табаком.

² Джамадан — верхняя одежда черногорцев.

лают, как сторожевые псы, и сверкают в дыму красные огни выстрелов. Погнался я с ножом в руках за турецким агой и почти его догнал, а тот заряжал на бегу свой джефердар и, внезапно повернувшись, выстрелил в меня в упор. Я увидел, как дым и огонь, вырвавшись из ствола джефердара, ударили меня в грудь. Я побежал назад—сила и молодость несли меня. Подхватили меня родичи, взяли под руки, повели в горы, по направлению к Стийене, к Марковичевой пещере. Кровь за-пеклась на одежде моей и почти перестала течь. Привели меня к источнику по имени Одым. Я стал просить воды. Но воды мне не дали, ибо раненым запрещают пить. Тогда мой дядя сказал:

— Пусть пьет, все равно ему не выжить! Ведь пуля прошла около сердца и вышла между лопаток, вырвав кусок мяса из спины шириной в ладонь!

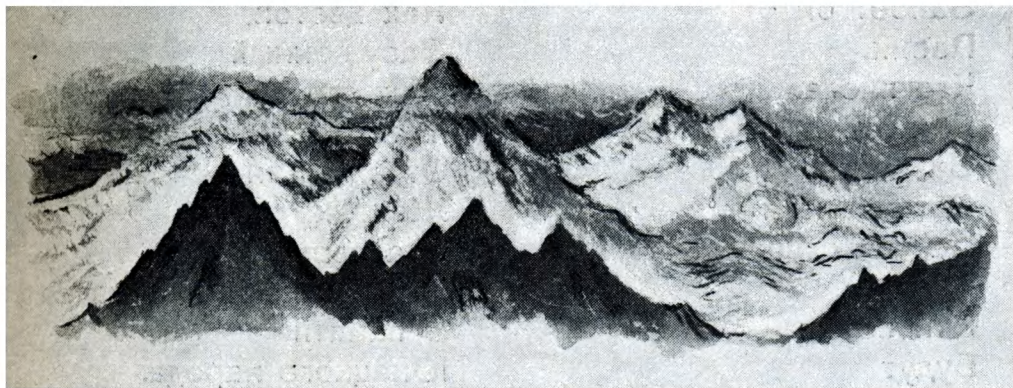
Положили меня на траву, под многовековым тутовником, растущим возле Одыма. Это дерево и по сей день стоит там. Вы не раз лазили в его широкое дупло...

Положили меня на траву, а я потянулся к корытцу, в которое падает вода из каменного желоба, и стал пить, но никак не мог напиться. И заметил я, что из раны на моей груди текут кровь и вода. Голова закружилась, горы пошли ходуном, и я потерял сознание. Очнулся я на следующее утро в Марковичевой пещере. Я лежал на высоком помосте, раны мои были заклеены мелемом—клеем, изготовляемым из чистой извести, погашенной в белке куриного яйца. Этот пластырь был сверху покрыт гайдуцкими листьями—травой, испокон веков употребляемой для лечения ран. Я лежал неподвижно. Рану на спине перевязывали через дыру, сделанную в помосте, служившем мне кроватью. Мне давали пить заячий пух в молоке, для того чтобы законопатить раны в пищевод; мы ведь не знали ученых врачей, а нынче сын мой выучился где-то медицине! Так-то меняются времена... Пролежал я двадцать пять дней, а когда раны немного затянулись, начал ворочаться с боку на бок. Но когда я повернулся в первый раз,

то снова потерял сознание, и родня думала, что я умер. Однако, через два месяца я был уже совершенно здоров, и вот прошло около ста лет, а я все еще живу и умирать не собираюсь, и все сказки рассказываю вам, и даже работаю помаленьку, не даром хлеб жую.

В этой книге собраны шесть сказок, слышанных мною от деда и восстановленных по памяти. Когда я работал над ними, портрет Милича Доброго стоял на моем письменном столе. Я вглядывался в его лицо, вспоминал его голос и старался передать эти народные сказки так, как я их слышал от дедушки. Я хотел бы, чтобы советские дети полюбили наши сказки так же, как их любят черногорские дети. Я хотел бы, чтобы советские дети полюбили старого юнака Милича Пипера Доброго так же, как его любили черногорские дети.

Радуле Маркович Стийенский

СТАРОДАВНЯЯ ПЕСНЯ

Говорят,
Что в ущельях черно-
горских

Из кремневой скалы

Течет

Источник.

Кто воды его чистой

Напьется,

Тот вовек

Не будет ведать

Счастья.

Ни жены у него

Не будет,

Ни детей,

Ни хозяйства,

Ни денег,

Ни друзей,

Ни красивой одежды.

Но зато

Его полюбит

Юность,

Все народы

Назовут

Желанным,

Другом

Назовут его

Потоки,

Братом

Назовут его

Вершины,

И такие

Запоет он
Песни,
Что пчела,
Летающая
За медом,
Остановится
И будет слушать.

Эти песни
Будут
Всем на радость,
Эти песни
Станут
Всем отрадой —
Облакам,
Животным
И деревьям,
Дряхлым старикам
И ребятишкам.

Расскажите,
Добрые люди,
Как пройти
К источнику песен?
Я хочу
Отведать
Горькой влаги,
Я хочу
Свои настроить
Гусли,
Я хочу вам спеть
Под рокот струнный
Стародавнюю горскую
 песню.

Как цветок,
Засушенный
В книге
Меж страниц,
От времени
Желтых,
Эта песня
Нерушимо сохранилась
В памяти
Юнацкого народа.
Я нашел
Увядшую песню,
Лепестки поникшие
Расправил,
Окропил
Водой родниковой,
И внезапно
Ожила песня, —
Заиграла
Радужной окраской,
Зазвенела
Всеми голосами,
Крыльями орлиными
Взмахнула
И помчалась
В блестящее небо.
И сказала
На прощанье
Песня:
„Ты меня
К бумаге
Не привяжешь,
Не посадишь
В кожаную клетку.
Только тень мою —

Черные буквы,
Только след мой—
Бездыханные знаки,
Слабый отсвет
Звуков могучих,
Вот и все,
Что я тебе оставлю“.

Я не стал
С упряницей
Спорить,
Я перечить не стал
Своейравной,
Наземь положил
Смычок
И гусли,
Взял перо,
Чернила
И бумагу.
Пусть друзья мои
Прочитают
Неуклюжую,
Бледную запись,
Слабый отсвет
Звуков могучих,
Бездыханную тень
Народной песни,
Лепесток,
Засушенный в книге.

* *
*

...На рассвете
Серебряно-туманном
В ледовитых горах,
Поросших лесом,

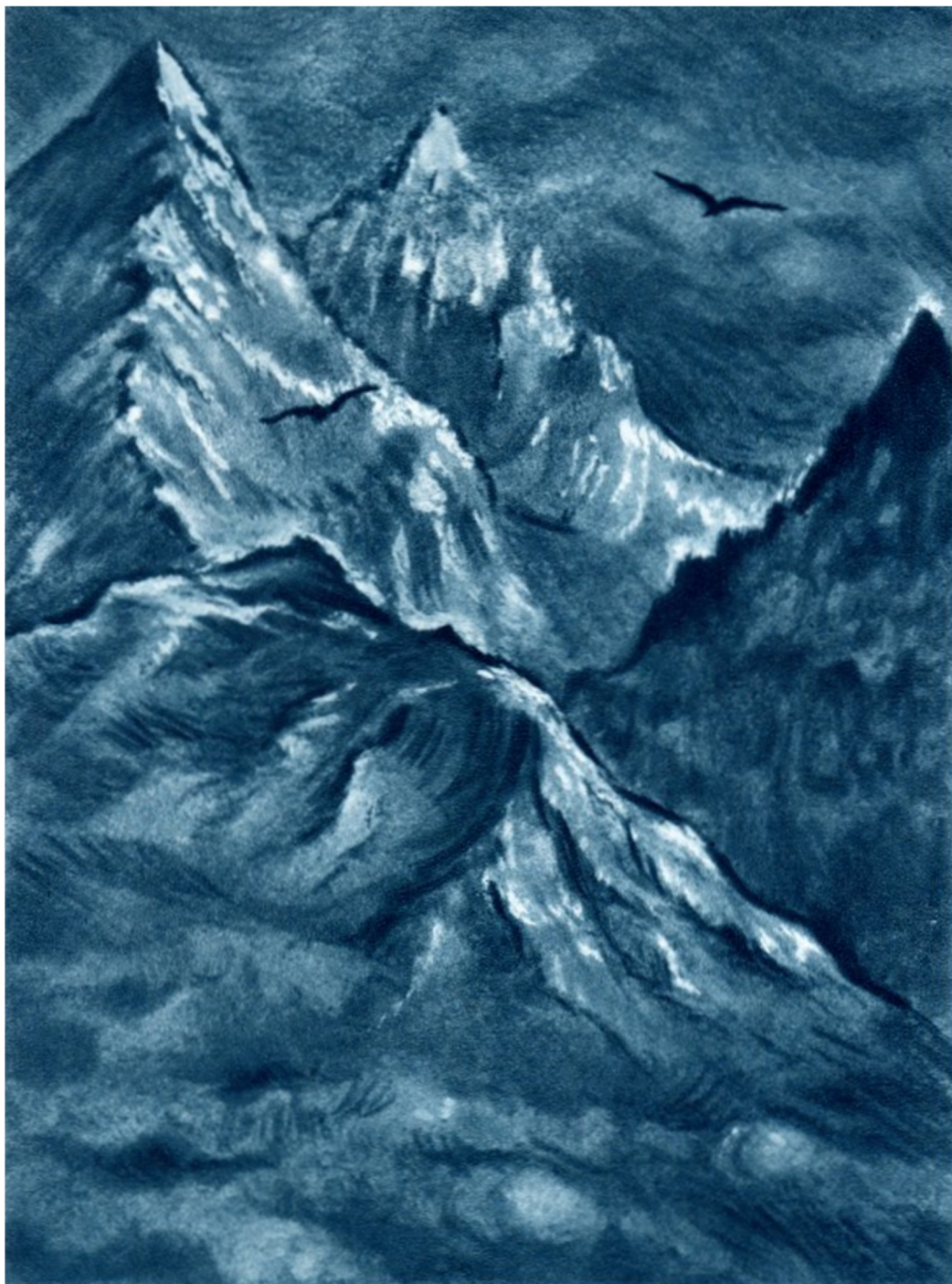
Родила
Молодая черногорка
Быстроглазого
Первенца-сына.

Падал снег,
Насвистывали ветры
Погребальные песни
Древних сербов,
И, подобно плакальщицам
черным,

Гнулись
Узловатые деревья.
Поглядела мать
На тусклое небо,
Поглядела
На гранитные тучи,
Крепко-накрепко
Младенца прижала,
Опустила веки
И заснула.

Падал снег.
Ущельем
Крался холод,
Шумный бег
Ручьи замедляли,
И роняли сосны
Желтые иглы
На ребенка,
На мертвую пастушку...

В этот год
Зима была
Злая,
Старики

**Падал снег, ущельем крался холод,
Шумный бег ручья замедляли...**

Такой ещё
Не помнят:
От мороза,
На лету
Замерзали
Одичалые ветры
И птицы,
Трескались
Вековые буки,
Звезды
Лопались,
Подобно гранатам,
Снег валил,
И голодные волки
Подбирались
К самой Цетинье¹.
Но ребенок
Не боялся
Морозов.
Он лежал
На руках материнских;
Молнии
Его утешали,
Вечный гром
Напевал ему
Сказки,
И звенели
Хвойные иглы,
Словно тысячи гусель
Сладкозвучных.

А когда
Весна наступила,

¹ Цетинье — город в Черногории, бывшая столица.

Мальчика
В лесу
Нашли гайдуки,
Схоронили
Мертвую пастушку
И забрали сына
В чету¹
С собою:
„Пусть привыкнет
К оружию
И к битвам,
Словно горный орел
Ширококрылый“.

С той поры
Зовутся
Эти скалы
Орлуяком²,
А ближнее раздолье —
Мерзлыми Полями.
Отныне
Каждый будет помнить
Мать
И сына
И великое,
Старое чудо.

И гайдуки
Друг другу
Завещали,
Чтоб от поколенья
К поколенью

¹ Чета — отряд партизан.

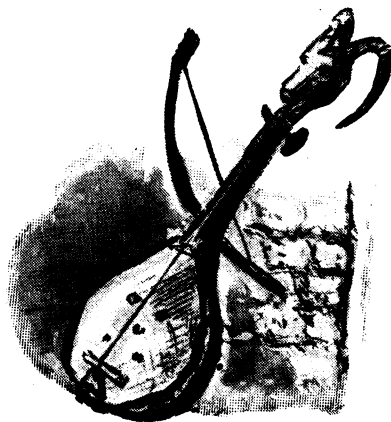
² Орлуяк — гора в Черногории, „орлиная гора“.

Партизанская быль
Переходила
До тех пор,
Пока не доберется
Эта песня
До такого поколения,
Что воздвигнет
На хребтах Орлуяка
Мраморный
Дворец молодежи
В знак
Последней,
Решительной победы.

Кто не верит
Заветам
И песням,
Кто не верит

Исполненью обещаний,
Может
Уши заткнуть
И не слушать;
Вволю
Жизнь посмеется
Над глупцами.
В тот дворец
На порог
Их не пустят,
В партизанскую коммуны
Не примут,
И презренье
Девушек
И момче¹
Станет
Их заслуженным уделом.

¹ Момче — юноша.

СКАЗКА О ТОШЕ

Пересохло горло у Тоши,
Захотелось Тоше напиться.
Стал он шарить
По всему хозяйству,
Ан —
Пусты баклаги и бочки!
Заглянул он
В колодец глубокий —
Словно горло,
Пересох колодец.

Бедный Тоша
Почесал затылок:
„Истомила
Проклятая жажда!..“

Взял он ковшик,
Резанный из липы,
Завернулся в потертую
струку¹,

Поглядел
На пасмурное небо
И побрел по козьей
тропинке,
Напевая турецкую песню.

Он идет
Неделю, другую,
Три недели
По горам шагает.

¹ Струка — род плаща или пледа.

На исходе
Четвертой недели
Отыскал он
Озеро лесное.

Продирается к озеру
Тоша,

Не пускают
Цепкие ветви,
Ноги вязнут
В болоте зеленом,
На глазах
Повисла паутина.

Еле-еле
Добрался бедняга
И упал
На берег камышевый.
Ноги босы,
Струка в лохмотьях,
Исцарапаны румяные
щеки,

И ладони
Покрыты волдырями.

Так лежал он
До глубокой ночи,
Комары
Вокруг него звенели,
Бабочки
На лоб его садились,
Черный дрозд,
Молодожен счастливый,
Свил гнездо
В его кудрях намокших,
И набились

В дорожную сумку
Муравьи, клещи да
уховертки.

Стало небо
Из синего желтым,
А из желтого
Темнозеленым.
Закатилось
Спелое солнце,
И погасла
Червоная зорька.
Почернело небо,
Потускнело,
Словно ржавая сабля
стальная...

Слышит Тоша
Легкое дыханье,
Слышит Тоша
Серебряный хохот,—
То ли волны
Плещут о берег,
То ли ветер
Играет камышами,
То ли звезды
Сквозь сон бормочут
О неведомых странах
занебесных...

Подымает голову Тоша,
Протирает
Опухшие очи.
Видит Тоша
Молочную воду,

Лунный бисер
 По воде рассыпан,
 И купаются в озере
 студеном
 Пятеро девушек-подростков.

Плещутся, как дикие утки,
 Выжимают
 Тяжкие косы,
 Трут жемчужные спины
 Друг дружке.
 Кинул Тоша
 В озеро камень,
 Брызнуло
 Стекло водяное,
 Пошли круги
 За кругами,
 И девушки в змей
 превратились,
 В белых змей с пурпурными
 глазами.

Наклонился к озеру Тоша,
 Опустил
 Свой ковшик деревянный,
 Зачерпнул
 Волшебной водицы,
 Оглянулся
 И пошел обратно.

Он идет
 По лесам и болотам,
 Через горы шагает
 Снеговые,
 Бережет
 Свой липовый ковшик,

Бережет
 Драгоценную влагу,
 Каждую каплю считает.

Вот пришел он
 В хижину родную,
 Вылил воду
 В котел чугунный,
 Нарубил дубовых поленьев,
 О кремень
 Ударил огнивом
 И развел огромное пламя.

Слышит Тоша
 Девичий голос:
 „Ай да Тоша,
 Неразумный Тоша!
 Или ты сварить меня
 собрался
 И в котле чугунном не
 приметил?“

Только Тоша
 Развесил уши,
 Из котла,
 Где вода закипала,
 Выпрыгнула
 Маленькая змейка
 С белой кожей,
 С пурпурными глазами.
 Поглядела змейка на Тошу,
 Распахнула пасть
 Шире неба,
 Проглотила заживо Тошу,
 Заодно

И Тошино хозяйство:
И кожух,
И постельные вещи,
И ковры,
И столы,
И посуду,
Ятаганы¹,
Ружья
И пистолы,
И коров,
И коз,
И баранов.

Разнесло змею,
Словно гору,
Но змее и этого мало:
Захотелось ей,
Ненасытной,
Проглотить петуха
напоследок,
Красноперого
Петьку-горлана.

Но петух
Змее не дается.
Он взлетел
Над ее головою,
Клюнул в самое темя
злодейку,
Убил ее
И выпустил Тошу.

Послал за доктором
Тоша.

¹ Ятаган — кривая сабля.

И явился
Длинноусый доктор,
Знаменитый доктор из
Цетинье,
Искушенный
В разных науках.
Распорол он
Змеиное брюхо,
Вскрыл ножом
Змеиный желудок
И нашел
В змеином желудке
Кунью шубу
И шубу соболью,
Шубу из персидского
барашка,
Шубу из лисы черно-
бурой,
Шубу из крысы-
шиншиллы,
Шубу из щипаной выдры,
Седую бобровую шубу,
Шубу из кожи змеиной,
А всего числом их было
восемь.

Две понявы¹
Нашел он в желудке,
Новый пус² нашел,
Белее снега,
Двух овец
И двух ягнят молочных,
Корову с пегим теленком

¹ Понява — покрывало.

² Пус — войлок из шерсти молодых ягнят.

**Распорол он змеиное брюхо,
Вскрыл ножом змеинный желудок..**

И свиную матку
С сосунками.
Шубы новые,
Как в магазине,
А скотина жирная —
На славу.

Доктор сбросил
Свою ветхую шубу,
Изрядно
Траченную молью,
И надел
Бобровую на плечи
(Это было платой за
работу).

Остальное
Досталось Тоше —
И скотина,
И хозяйство,
И шубы.
С той поры

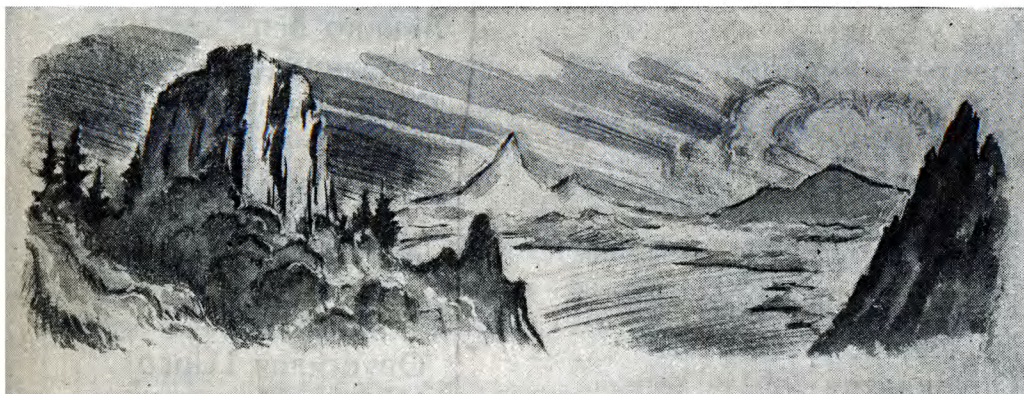
Ему счастье привалило,
Завелись
И достаток
И деньги,
Пистолеты в золотой
оправе,
Гусли, выложенные перла-
мутром,

Новый дом
И жена молодая.

Вот и вся история Тоши.
Если ты юнак,
Объясни мне,
Что бы все могло это
значить?

Коли ты
Ничего здесь не смыс-
лишь,
В рот воды набери
И — ни звука!

СКАЗАНИЕ О ШОГО ШОГОНИЦЕ И ОДНОГЛАЗОМ ДИВЕ

Жил когда-то,
В старые годы,
Побродяжка
Малого роста,
Лысоватый
Да трусоватый,
Трусоватый
Да хитроватый.
А звался он—
Шого Шогоница.
Был он беден,
Как церковная крыса,
Одинок,
Словно кот шелудивый.
Обидеть
Мог его всякий,
Каждый

Мог над ним
Насмеяться.

Ходит Шого
По мирским дорогам,
За плечами
Порожня сумка,
В руке
Суковатая дубина,
На устах
Беспечная улыбка.
Ходит Шого
По белому свету,
Ищет Шого
Великого счастья.
И забрел он
В Балканские горы,

В те ущелья,
Повитые туманом.

Ходит Шого
По горам Балканским,
Ищет Шого
Великого счастья,
Подымается Шого
На скалы,
Опускается
В трещины
Да ямы,
Переходит вброд
Ручьи ледяные,
Спотыкается
О твердые камни.

Ходит Шого
По горам Балканским,
Не находит
Великого счастья.
Ветер
Гнал его
От ущелья
К ущелью,
Злобный дождь
Над ним вволю измывался,
И земля зубастая
Терзала
Башмаки
Злополучного бродяги.

Лысоватый Шого
Притомился,

Лицо его
Позеленело,
Обессилели
Ручки
Да ножки,
И одежда
Лоскутами повисла.

Опустился Шого
На колени
И заплакал
От страха
И гнева:
„Угораздило
Меня, простофилю,
Заблудиться
В этих скалах
Бесплодных!
Здесь умру я
От голода
И жажды
И замерзну
Без огня
И крова“.

Не успел он
Вытереть слезы,
Как разверзлись
Небесные хляби
И такой
Свирепый ливень
Хлынул,
Что кремневые горы
Закачались,

Словно греческие лодки
На Ядрани¹.
Привскочил
Испуганный Шого,
Закричал петухом,
Поперхнулся,
Подобрал и дубину
И сумку
И помчался
Без оглядки
В темень.

Он бежал,
Не разбирая дороги,
Оглушенный
Выстрелами грома,
Ослепленный
Вспышками молний,
Задыхаясь
От дождя
И ветра.
И внезапно
Ему показалось,
Что во мраке,
Плотном,
Как глина,
Полыхает
Слабый огонечек,
Словно искра
В пастушеской трубке.
Ожил Шого,
Прибавил шагу,
Побежал
По направлению к свету.

¹ Ядран — Адриатическое море.

Тридцать раз
Проваливался
В ямы,
Тридцать раз
Натыкался
На скалы,
На отвесные
Карабкался
Стены,
Утопал
В сегогривых потоках.

Огонек
Все ближе
Да ближе,
А гора
Все круче
Да круче.
Бедный Шого
Ползет на брюхе,
За траву
Хватается
Зубами.
И дополз он
До самой вершины.
Там увидел
Круглую пещеру,
На пороге пещеры —
Кострище,
У кострища —
Великан мохнатый,
До бровей
Закутанный овчиной.
Перебитый нос
Торчит

Из шубы,
А на темени
Кровавое око,
И уселся
На плече
Горбатом
Сивый сокол,
Огромный,
Словно лошадь.

Див¹
Повел
Единственным глазом
И уставился
Прямо на Шого.
„Ты поди, поди сюда,
Любезный, —
Зарычал великан
По-медвежьи, —
Расскажи,
Откуда ты родом
И каким
Занесло тебя
Ветром
В мои
Снеговые ущелья?“

Повернулся Шого,
Оглянулся —
Видит он,
Что некуда податься.
Все равно —
Помирать не дважды!

¹ Див — великан, персонаж народных сказок.

Снял шапчонку.
Волосы пригладил
И пошел
На цыпочках
К пещере.
„Здравствуй,
Брат-пустынный! —
Молвил Шого. —
Далеко ты забрался,
Человече.
Как живешь ты здесь,
Не скучая,
Средь хребтов,
Туманов
Да потоков?“
Див
Ответил
Голосом ржавым:
„Благодарствую, друже,
За вниманье.
Мне живется
Очень прекрасно,
Есть у меня
Козы
Да овцы,
Я пасу их
На лужайках горных,
Обхожусь
Без назойливых люди-
шек.
Мне противен
Обиход артельный,
Самовольно
Живу я,
Самовластно.

Что хочу,
То и делаю
Разом
И ничьих
Не признаю законов.
Разоряю
Окрестные селенья,
У крестьян
Отбираю скотину,
Увожу
В неволю
Сильных момче,
Делаю их
Слугами
Своими“.

Растерялся Шого
И не знает,
Как ему поладить
С великаном.
„Ох, силен, силен,
Проклятый идол!
Но ужо
Я справлюсь
С тобою.
Я возьму
Твою грубую силу
Здравым смыслом
И хитростью народной.
Мы посмотрим,
Кто кого
Поборет,
Кто к кому
Пойдет
В услуженье“.

Так подумал
Шого Шогоница,
И, зажмурив
Умные очи,
Зашептал он
Сладко-пресладко:
„Ой, ты, Див,
Одноглазый красавец!
Хороша твоя
Круглая пещера.
В ней,
Наверно,
Тепло
И уютно,
Лишь дверей одних
Нехватает“.

Засмеялся Див,
Словно филин:
„Ничего ты, друг,
Не разумеешь.
Видишь
Эту каменную глыбу,
Небольшую
Каменную глыбу?
Весу в ней
Не так чтоб очень много,
Но, однако,
Все же и немало:
В ней
Пудов — четыре тыщи
с лишком.
Эта глыба
Служит мне
Калиткой“.

Ахнул Шого,
Потемнел
От страха,
Дрогнули
Шоговы коленки,
Подкосились
Тощие ножки,
Закатились
Хитрые глазки.
Но подсел он
К Диву
Поближе,
Развалился
У самого кострища
И запел,
Сложив сердечком
Губы:
„Ой, ты, Див,
Силач невероятный!
Хороша твоя
Круглая пещера,
Хороши твои
Козы
Да овцы,
Хорошо твое
Богатое хозяйство,
Но скажи мне,
Добрый хозяин,
Что за груда
Поломанных сабель,
Ятаганов,
Ножей
Да ханджаров¹,

¹ Ханджар — кинжал.

Пистолетов,
Раздавленных,
Как черви,
Джефердаров,
Завязанных узлами,
И другого
Юнацкого оружия
Поблескивает
В глубине пещеры?

И еще
Расскажи,
Если хочешь,
Что за кости
Валяются
Повсюду,
Что за плотные мешки
Лежат, как туши,
В самом темном углу,
Заповедном?“

Див
Сверкнул на Шого
Красным оком,
Шевельнул
Колючими усами
И повел плечом
Нетерпеливо,
Так что сокол
Едва не свалился,
И ответил
Таким утробным
басом,
Что у Шого
Затряслись
Поджилки:

„Как-то раз
В дождливую полночь
Набрела
Партизанская чета
На мою
Одинокую пещеру.
Обогрелись партизаны
У кострища,
Переспали
На мягких овчинах,
А наутро
Затеяли игры,
Стали петь
Смелые песни,
В цель стрелять
И взапуски бегать.

Очень
Им понравилась
Пещера,
И снега,
И окрестные горы.
Вот и начали
Мудрить
И судачить
И решили
Навсегда остаться
В моей пещере
Исконной,
Основать
Родовую коммуну,
Всем добром
По-братски
Делиться,
Сообща

Управлять хозяйством,
Друг за дружку
Стоять горою.

Тут, конечно,
Я разозлился,
Завалил пещеру
Тяжкой глыбой,
Взял дубину
В правую руку,
Острый камень
В левую руку,
Налетел
На партизанскую чету
И почал
Их бить
И калечить,
Словно воробьиную стаю.

А они меня
Из московок
Осыпают
Свинцовым горохом
И клюют
Клиночками своими.
Было у меня
Тогда
Два глаза:
Один
На самой макушке,
А другой
На кончике носа.
Вот его-то
И вышибло пулей.
Окривел я

С той поры
Навеки.
Отомстил
За увечье
Гайдукам:
Всех убил
Дубиной
И камнем,
Поломал оружие,
Как щепки,
Истоптал
Джефердары
И московки
И сложил
В углу,
Чтоб не мешали.
А в мешках
Насыпан ихний порох.
Я зашил его
В шкуры овечьи.
Ты туда не ходи,
Человече,
Чтоб проклятое зелье
Не взорвалось!¹

Испугался Шого
Втрое больше.
Из очей
Закапали слезы.
Стал он
Слезы
Вытирать руками,
Только грязь
По лицу
Размазал.

Наклонился Див
К Шогонице
И по лысинке
Его похлопал:
„Что с тобою,
Суслик тонконогий?
Отчего ты плачешь,
Как ребенок?“

Отвечает Шого
Заикаясь:
„Плачу я,
Хозяин одноглазый,
Потому, что
Голод
И жажда
Одолели меня,
Сиротинку...“

Засмеялся Див
И промолвил:
„Ты прости меня,
Шого Шогоница.
Нечем
Накормить тебя
Сегодня,
Напоить тебя,
Сирого,
Нечем.
Завтра
Мы пойдем
На охоту
И зажарим пециво¹
На славу“.

¹ Пециво — жареный баран.

Вот идут они по козьим тропам,
Через дикие вершины шагают...

Засвистал гигант
В четыре пальца,
И со всех сторон
Сбежались овцы.
Див загнал их
В круглую пещеру,
Привалил
Гранитную глыбу,
Наглухо закрыл
Жерло пещеры.
Кинул Шого
Старую овчину,
Крикнул:
„Спать!“
И заснул,
Как убитый.

Рано утром
Див и Шогоница
Наточили
Кривые ханджары,
Зарядили
Ржавые москочки
И отправились
В горы
За добычей.

Вот идут они
По козьим тропам,
Через дикие вершины
Шагают,
Скользят
Сквозь молочные тучи,
Прыгают
С камня на камень.

Наконец,
В глубоком ущелье
Увидали
Див и Шогоница
Быстроногого
Горного оленя.
Только Див
Заприметил оленя,
Закричал он
Голосом могильным,
Вытянул жилистые руки
И скатился
Вниз,
Как лавина,
Ломая
Столетние буки,
Круша
Исполинские сосны.

Бедный Шого
На утесе остался.
Куда ему
За Дивом
Угнаться!
Тот меж тем
Уже схватил
Оленя,
Подозвал дрожавшего
Шого,
И они
Отправились
К пещере.

Великан
Освежевал добычу,

**Отомстил за увечье гайдукам:
Всех убил дубиной и камнем...**

„Что же ты не вертишь,
Собака?
Что же ты не жаришь,
Бездельник?“
Опустились руки
У Шого,
Ноги
В землю ушли
По колено,
Спина
Согнулась дугою
И глаза
Наполнились слезами.
И ответил он
Злому великану:
„Не сердись,
Мой нежный красавчик.
Мы всегда
Так пециво готовим:
Сторону одну
Сначала
Жарим,
А потом
И сторону другую“.

Див
Уселся
Перед кострищем,
Стал вертеть
Пятипудовый вертел.
А когда упала
Ночь
На горы,
Ароматное пециво
Поспело.

Засвистал
Великан
В четыре пальца,
И со всех сторон
Сбежались овцы.
Див загнал их
В круглую пещеру,
Завалил
Жерло пещеры
Глыбой,
Сел на шкуры,
Позвал Шогоницу
И сказал ему
Лукавое слово:
„Мы с тобой
Устроим состязанье:
Кто сумеет
Больше другого
Съесть
Горячего
Оленьего мяса,
Тот не должен
Завтра
Работать,
Ни овец выгонять
На лужайку,
Ни ходить
На охоту
За оленем,
Ни носить
Студеную воду“.

Отвечает Шого
Великану:
„Если будем мы

Состязаться
На великое званье
Обжоры,
Нам придется
Слопать много мяса.
А на родине моей
Далекой
Презирают
Обжор
И многоедов.
Потому
Я прошу тебя,
Любезный,
Снизойди
К моей слабости
Невинной —
Согласись
На такое условие,
Чтоб глаза
Мы друг другу
Завязали
И совсем
Друг на друга
Не глядели.
Вот тогда
Я стыдиться
Не стану
И с тобою
Померяюсь
Обжорством.
А узнать победителя
Нетрудно
По костям обглодан-
ным
И жилам“.

Ухмыльнулся
Див недалекий,
Завязал
Неуклюжими перстами
Шагоницыны
Хитрые очи,
Завязал он
Грубо
И неловко,
Так что Шого
Мог смотреть
Сквозь щели.
А бродяжка наш
Расторопно
Завязал
Последний глаз
Великана.
Он надел ему
На голову
Шапку.
Глупый Див
Ничего
Не мог увидеть,
Сколько б он
Ни бился,
Ни старался.

Вот уселись оба
У кострища,
Стали состязаться
Ретиво.
Див
Кромсает
Тушу оленью,
Отрывает руками

Ребра,
Перемалывает мясо
Зубами,
Все торопится,
Все суетится,
Хочет Шого
В дураках
Оставить.

Ну, а тот
Сидит
И в ус не дует,
Съест кусочек,
А другой —
В кострище
И ворует
У Дива кости.
Навалил
Большущую гору
И гордится
Подвигом славным.

Кончили враги
Состязанье,
Развязали очи
Друг другу.
Див глядит
И себе
Не верит.
Что за чудо:
Перед лысым Шого
Вдвое больше костей,
Чем перед Дивом.
„Нет!
На это

Я вовсе не согласен!
Ты, наверно,
Ворожей могучий,
Колдовством
Ты выиграл
Битву,
Не могу я
Признаться побежденным.
Мы поджарим
Печень оленью
И на этот раз
Так согласимся:
Кто сожрет
Свою долю
Первым,
Тот не должен
Завтра
Работать,
Ни овец выгонять
На лужайку,
Ни ходить
На охоту
За оленем,
Ни носить
Студеную воду“.

Видит Шого —
Дело неладно:
Здесь погибла
Чета гайдуков.
Как же может
Он,
Невеличка,
Справиться
С таким великаном!

И сказал он
Сердитому Диву:
„Будь по-твоему,
Чудное создание.
Мы с тобой
Померяемся снова,
Но прошу я
Милости
Единой:
Очень я устал
От охоты,
Давай поспим
У кострища
Малость,
А потом
Потягаемся обжорством“.

Согласился
Див неразумный,
Развалился
На мягких овчинах
И заснул,
Как медведь
Зимою.

Но коварному Шого
Не спится.
Он достал
Винтовочный шомпол,
Раскалил
Докрасна
На кострище,
Положил
На деревянный чурбанчик
Против глаза
На темени Дива,

Взял полено
В правую руку,
Размахнулся
И вогнал железо
В самый глаз
Дурного великана!

Тот взлетел
До потолка пещеры,
Заорал,
Завизжал,
Захрюкал,
Выхватил шомпол
Из глаза
И погнался
По всей пещере
За испуганным до смерти
Шого.

„Лиходей мой,
Злобный звереныш!
Все равно
Тебе ничто
Не поможет.
Я тебя изловлю,
Прощелыгу,
Изловлю
И на куски
Растерзаю!..“

Убегает Шого
От смерти,
Прячется
Среди овец
Косматых,
И никак

Великан безглазый
Не может поймать
Шогоницу.
„Ничего,
Ничего,
Разбойник!
Плотно заперт
Выход из пещеры.
Не с твоей
Человечьей силенкой
Отвернуть
Гранитную глыбу.
Завтра утром
Я тебя достану,
А пока
Прилягу
На шкуры, —
Что-то
Голова разболелась.
Может быть,
Подремлю я
Немного,
Может быть,
Мне молодость
Приснится,
Голубые
Высокие горы
И горячее,
Южное солнце“.

Медленно
Двигается время,
Вздрагивают
Овцы
И козы,

Дотлевают
Уголья
В кострище,
Сердце Шого
Бьется,
Словно голубь.
И придумал Шого
Новую хитрость:
Он зарезал
Вожака отары,
Круторогого
Старого барана,
Кожу снял с него
И накинул
На свои
Сутулые плечи,
Колокольчик
На шею
Повесил,
Торопливо
Стал на четвереньки,
Заблеял
И притворился спящим.

На рассвете
Великан проснулся,
Мертвый глаз
Потрогал
Рукою,
Потужил
О своем несчастье,
Об увечье своем
Непоправимом.
Приоткрыл
Жерло пещеры

Круглой
И позвал
Вожака отары:
„Ой, вожак мой,
Баран любимый!
Никогда
Я тебя не увижу.
Выходи на горную лужайку,
За тобой
Пойдут все овцы
Следом“.

И пошел
Хитроумный Шогоница,
Быстро-быстро
Пошел
На четвереньках.
Великан
Его по шее погладил,
Поправил
Гремучий колокольчик
И пустил
Из пещеры
На волю,
А за ним
Пошли
Все овцы
И козы.

Великан
Сосчитал их
Наощупь,
И число
Оказалось верным.
Тогда он запер

Пещеру,
Трижды
Подпрыгнул на месте,
Трижды
Зубы кривые
Оскалил,
Трижды
Хлопнул в ладоши,
Засмеялся
И сказал
Ехидным голосочком:
„А теперь,
Достопочтенный Шого,
Я серьезно займусь
Твоей особой.
Хочь, не хочь,
А придется
Ответить
За твои
Бесовские шутки.
Да,
Да,
Да,
Придется ответить
За твои
Проклятые штучки!“

И пошел он
Шарить
По пещере.
Шарит час,
И другой,
И третий,
Щупает камень
Руками

И находит
Ободранную тушу.
Тут он понял,
Что сбежал
Шогоница,
Закричал,
Заплакал от злости,
Завертелся,
Как вихрь,
По пещере
И наткнулся
На порох
Партизанский.
И взорвался
Порох партизанский.
Затряслись
Балканские горы,
И на Дива
Рухнула пещера...

Донеслись до Шого
Эти громы.
Сразу понял Шого,
Что случилось,
Горделиво вздернул
Маленький носик,
Подбоченился
И погнал отару
В тихую
Дунайскую долину.
Там
К нему собрались
Гайдуки,
Основали
Родовую коммуну

И за умную победу
Над Дивом,
За убийство
Подлого гиганта,
Грабившего
Нищие селенья,
У крестьян
Отнимавшего
Скотину,
Уводившего
Юнаков
В неволю,
Побродяжку Шого
Женили
На красивой,
Как заря,
Девице.
И жена
Родила Шогонице
Семерых сыновей
Чернобровых,
Семерых юнаков
Белозубых,
Семерых соколов
Ширококрылых:
Македонца,
Шумадинца,
Далматинца,
Черногорца,
Стройного серба,
Крупного босанца
И хорвата.
И живут они
Под кровлей отцовской,
Сообща

Побродяжку Шого женили
На красивой, как заря, девице.

Пасут
Стада овечьи,
Пьют вино
Виноградников общих,
Вместе делят
И горе
И радость.

Наша сказка —
Не сказка,
А правда,
Непреложная
Гайдуцкая правда!
Если даже
Не сбылась
Эта правда,
То, конечно,
Сбудется скоро.
Можешь верить,

А можешь не верить.
Коли веришь —
Будешь гостем
Желанным
В нашей славной
Коммуне юнацкой.
А не веришь —
Ступай, куда знаешь,
Возвращайся туда,
Откуда явился.
Юноши
Тобой пренебрегают,
Девушки
Тебя не целуют,
И румяное солнце
И звезды
На тебя
Глядеть
Не желают.

ДЕВИЧИЙ БОР

От большой Пониквицы¹
На север,
Средь повитых снегом
Гор кремневых,
На краю
Лукавицкой дороги,
Над колючим ущельем,
Где от века
Громогласный ручей
Течет
К Мораче²,
Там стоят,
Как дозорные гайдуки,
Три сосны,

¹ Большая Пониквица — красивое плоскогорье в Черногории.

² Морача — река.

Закаленные Мечавой¹,
Поседевшие
В сраженьях с годами,
Изрубленные
Ледяными ножами,
Израненные
Пулями пыли,
Голубыми
Ханджарами ливней
И калеными
Стрелами солнца.

Неподалеку
От привала
Притаилась
Глубокая яма.

¹ Мечава — северный ветер.

В ней всегда,
И зимой и летом,
Чистый снег,
Словно в погребе
Хозяйском,
Сохраняется
Для людской потребности.
Испокон веков
Сюда приходят
Пастухи
Со своими стадами,
Подле сосен
Разводят
Кострище,
Добывают снег
Из ямы
Глубокой,
Топят
В деревянных баклагах,
Воду пьют
И баранину варят.

Помню день,
Когда я
Впервые
Увидал
Знаменитые деревья.
Было отроду мне
Всего три года.
Добрый дедушка мой,
Милич Пипер,
Взял на пастбище
Меня с собою.
Шли мы долго
По крутым тропинкам,

Сквозь колючие кусты
Продирались,
Прыгали
По выжженным скалам,
Вброд
Проходили потоки.
И сказал я
Милому деду:
„Скоро ль мы
Дойдем
До привала?
Я устал взбираться
На горы,
Голова
От солнца
Разболелась“.
И ответил мне
Милич Пипер:
„Не печалься,
Радуле!
Скоро
Мы дойдем
До Девичьего Бора,
Снегу наберем
В глубокой яме,
Разведем костер
Меж корнями
И напьемся
Талой водицы“.

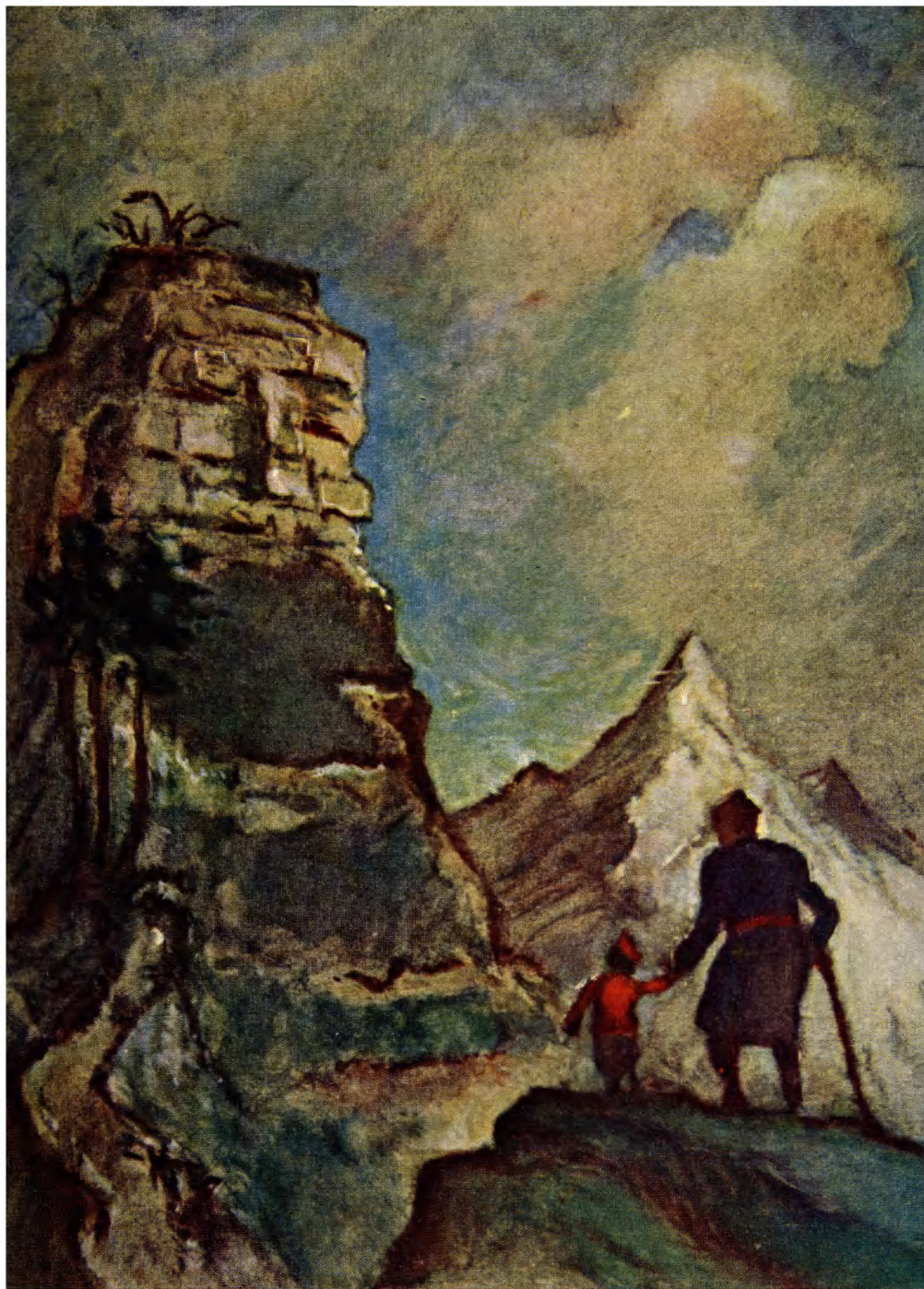
И увидел я
Сквозь розовую дымку
Три сосны
На горбатом утесе,
Три сосны,

Как дозорные гайдуки,
Сторожащие
Страну черногорцев.
И еще
Увидел я
Неманю¹,
Знаменитого,
Древнего Неманю,
Пастуха
И вождя
Наших предков,
Героя
Сказаний юнацких.

Был Неманя,
Как скала,
Огромен,
Весь в рубцах,
Морщинах
И шрамах,
И кудрявились
Мшистые седины
На его
Гранитных ланитах.
И спросил я
Дедушку родного:
„Это вправду
Древний Неманя,
Или камень,
Искрошившийся
От ветра,
Принял облик
Великого юнака?“

¹ Неманя — древний сербский царь.

Милич Пипер
Ответил мне на это:
„То не камень,
Замшелый
И ребристый,
Под лучами солнца
Загорелый,
От снегов
И дождей
Пострадавший,
Принял облик
Великого юнака, —
Сам Неманя,
Чабан черногорский,
Превратился
В утес горделивый.
Раз в году
Его можно увидеть,
Раз в году
Он является
Людам.
И не каждый
Узнать его
Способен:
Только
Храбрецы
Да поэты
Видят въявь
Его седые кудри,
Слышат
Голос его,
Подобный грому,
Хриплый голос,
Грозивший
Всей вселенной“.

Сам Неманя, чабан черногорский,
Превратился в утес горделивый.

А Неманя
Под соснами
Горюет,
Глухо стонет,
Горько причитает.
Он оплакивает
Сербского героя, —
Того
Королевича Марко,
Что лежит
В колючем ущелье,
Разметав
Узловатые руки.
Он оплакивает
Сербское племя,
Проклинает
Свое рожденье,
Колыбель
На Рыбнице
Лазурной,
Где когда-то
Мать
Его качала.
Он оплакивает
И проклинает
Скутарскую
Плавную равнину.
Некогда
Была она
Общей,
Общие стада
По ней
Бродили,
Сообща
Ее люди пахали,

Сообща
Засеивали сербы,
Сообща
Урожай собирали.
А теперь
Неразумные владыки
Всю ее изрезали
Ножами,
Поделили ее
Между собою,
Изувечили
Сербскую землю.
И еще
Безутешный Неманя
Причитает
Над заросшей могилой,
Над могилой
Девушки-юнака,
Что лежит
Под соснами крутыми.

Надоел я
Миличу деду:
„Расскажи
Да расскажи
Скорее,
Почему
Эти толстые сосны
Называются
Девичьим Бором?“
Засмеялся дед
Надо мною
И сказал суровому Немане:
„Не горюй,
Старина Неманя,

Не тужи
О том,
Что отшумело.
Хочет знать
Мой внук
Малолетний,
Почему
Эти толстые сосны
Называются
Девичьим Бором.
Объясни
Любопытному ребенку.
Пусть
Запомнит он
Горное преданье.
Может быть,
Он векам
Отдаленным
Передаст
Твою дивную повесть...“

Успокоился
Бравый Неманя
И сказал,
Обращаясь
К нам обоим:
„Небольшой вопрос,
Неинтересный
Задали вы
Сирому Немане!
Но когда уж
Вам так захотелось,
Расскажу я
Все,
Что припомню.

В незапамятные годы
Из долины
Пастухи
Свои отары
Пригнали
И чабанский лагерь
Разбили
В трех верстах
От этого привала.
Стояла
Поздняя осень,
Ветер
Плакал,
Как покинутый ребенок,
И тяжелые тучи,
Как знамена,
Развевались
Над снежными горами.
А Мукмуль¹ —
Веселый источник —
Пел гостям
Свои ласковые песни.
От костров
Клубились
Волны дыма,
И трещали
Смолистые ветви,
Словно кожа
Спелых гранатов.

Чабаны
Расположились
Славно
И дебелого пецива

¹ Мукмуль — горный источник.

Поели,
Нахлебались
Горячего ярдума¹,
Из Мукмуля студеного
Глотнули,
Спели
Черногорскую песню
Про героя
Королевича Марко
И про старого юнака
Неманю
Под жужжанье
Гусель однострунных.
А когда
Напились
И напелись,
Начали бахвалиться
Геройством,
Хвастаться
Великими делами
И кичиться
Друг перед другом.

И промолвил
Чабан
Седоусый:
„Кто осмелится
Полночью ненастной
По ущельям
И тропинкам козьим
Добрести
До трех сосен
Знаменитых
И вонзить

¹ Ярдум — топленое овечье молоко.

В одну из них,
Не дрогнув,
Острие стального
ханджара,

Тот получит
От меня
В награду
Двух
Откормленных баранов
Отборных...“
И другие пастухи
Подтвердили,
Что они
От старика
Не отстанут
И дадут
Смельчаку
В подарок
По барану отборному
Каждый.
Так сказали они
И замолчали,
Ни один
Не трогается
С места,
Ни один
Не возвышает
Голос;
Все молчат,
Как в рот воды набрали,
И глядят
На играющее пламя.

Лишь одна
Чернобровая пастушка

Не молчит
И не смотрит в пламя.
„Я пойду, —
Говорит она, —
К трем соснам,
Я вонжу, —
Говорит она, —
Не дрогнув,
Острие
Стального ханджара
В красный ствол
Сосны корневатой“.

Застыдились
Храбрые мужчины,
Но уже отказываться
Поздно.
Дали девушке
Клинок закаленный,
В золотых ножнах
Драгоценных,
И пошла она
В черные туманы,
Пошла
В полуночную темень;
На прощанье
Платочком взмахнула,
Головой кивнула
И скрылась.

Вот идет она
По козьим тропинкам,
Темноту
Раздвигает
Руками...

Плачет ветер
На горных вершинах,
Стонет Марко
В колючем ущелье.
Я сидел,
Как сейчас,
На этом месте
И прислушивался
К легкой походке
И приглядывался
К синим зарницам,
Что в ее глазах
Полыхали.
Девушка
Осилила
Дорогу
И направилась
Прямо
К ущелью.
„Эх ты, бедный
Королевич Марко!
Если бы ты, Марко,
Пробудился,
Если бы ты, Марко,
Ожил снова,
Я пошла бы
За тебя
Замуж,
Стала б, Марко,
Подругой твоею,
Никогда бы
С тобой
Не расставалась!
Но теперь уж нет
Таких героев,

И былые юнаки
Не воскреснут!..
Вот уже
Восток розовеет, —
И пора мне
Домой возвратиться!..“
Так сказала она
И вонзила
Острие
Стального ханджара
В красный ствол
Сосны корневатой.
И случайно
Приколола ханджаром
Свой зубун¹
Из шерсти домотканой
К дереву,
Покрытому смолою.
И когда она повернулась
И шагнула
В сторону
От сосен,
Задержал ее
Ханджар
За одежду,
Не дал сделать
Шагу другого.

Помутились
Девушкины очи,
Опустились
Белые руки,
Затаилось
Теплое дыханье

¹ З у б у н — верхняя одежда
черногорских женщин.

И от страха
Сердце разорвалось.
И упала она
На камень,
Словно серна,
Подстреленная
Громом,
Словно яблоко,
Скатившееся
В травы,
Словно светлая
Осенняя
Дождинка.
Там ее
Подруги
Отыскали,
Там ее
Товарищи
Зарыли
И ханджар
На ее могиле
Скрестили
С золотыми ножнами.

Слушай, Радуле,
Мальчик любопытный!
Я тебе рассказал
Все, что видел,
Но на этом
Не кончается
Сказка.
Ты увидишь
Очами своими
Продолженье
Всех легенд юнацких,

Окончанье
Старинных историй.
Станешь ты
Могучим
Героем,
Станешь ты
Народным поэтом,
Выйдешь
На Дурмитор¹ ледо-

витый

И на гусях дедовских
Взыграешь.
И провеет ветер
С востока,
Опрокинет
Высокие сосны,
Вырвет напроць
Из земли
С корнями
И швырнет
В колючее ущелье.
И тогда

¹ Дурмитор — высочайший
горный пик в Черногории.

Из темной могилы
Девушка
Прекрасная
Выйдет.
И разбудят
Упавшие сосны
Королевича Марко
В ущелье,
И герой
Королевич Марко
Женится
На горной пастушке.
И пойдет
От них
Племя
Новых сербов,
И разгонит Марко
Богатеев
И до самого
Синего Ядрана
Снова сделает
Общим достояньем
Нашу милую
Сербскую землю“.

ОБРЕН САМОРАНЫЙ

У подножья седого
 Боровника,
На Бойовичевой Луке
Раздольной,
Жил бобыль
По имени Обрен,
А по прозвищу
Обрен Самораный.
Где кудрявый ручей
Уходит в землю,
У понора¹,
Под крестатым буком,
Простирающим ветви
 вековые

¹ Понор — так называется место, где ручей или река уходит в подземное русло.

К тучам,
Белым, словно шерсть
 овечья
На кудели первобытной
 прялки,
Он построил шалаш
Из крепких сучьев,
Он покрыл его
Листьями бука,
Папоротником вечнозе-
 ленным;
Посреди шалаша
Сложил огнище,
Из козлиных шкур
Постель наладил,
Дверь подвесил
И зажил на славу!

Статный горец,
Обрен Самораный
Отличался своим весе-
лым нравом,
Обхождением
Достойным и приятным
И наследственным
гостеприимством.

На сто верст
По всей округе
Обрен
Был известен
Как заядлый охотник;
С ним никто не мог
сравняться

В ловле,
В меткости стрельбы
Из джефердара,
В разуменьи
Козьих троп и лежек,
В знаньи нрава
Всех лесных животных,
И, подобно другим
следопытам,

Он любил
Свое уединенье,
Розовые утренние зори,
Птичьи хоры
В глубине дубравы,
Пламенные полдни,
Стрелы солнца,
Бьющие сквозь кроны
Древних буков,
Темнокрасное вино
закатов,

Сумерки в ущельях,
Синий воздух,
Полный звезд
И ветров тиховейных,
Умиротворенную природу,
Спящую
Под покрывалом ночи.
Он любил весну молодую,
Он любил цветущее лето,
Волчий вой
Непогоды осенней,
Зимние снега и морозы.
Не скучал,
Работал, напевая
Песни про старинных
юнаков,

Размышлял
О жизни и о смерти...
Вот какой чудак был
этот Обрен!

И однажды,
На закате солнца,
Он косил траву
Косою ржавой
Возле шалаша
Из крепких сучьев,
Что стоял
Под буком крестатим,
Простирающим ветви
вековые

К синему
Безоблачному небу.
И увидел
Обрен Самораный,

Жил бобыль по имени Обрен,
А по прозвищу Обрен Самораный.

Что из леса
Густого, словно войлок,
Вышли
На укромную опушку,
На лужайку,
Покрытую цветами,
Пятеро матерых гайдучков,
До зубов вооруженных,
Могучих,
Словно сосны
Ущелий Боровника.
Понял Обрен,
Что юнаки эти —
Чета комитов¹,
Прозванная Шакой
(Шака значит кулак,
По-черногорски);
И за то
Ее прозвали Шакой,
Что, подобно пяти перстам
Упругим,
Сжавшимся в кулак
Для удара,
Пять бойцов
Объединились в чету,
Чтоб враги
Перед нею дрожали,
Чтоб была она
Непобедимой,
Как пудовый кулак
Богатырский.

Обрен косу положил
На камень,

¹ Комиты — партизаны.

Вынул чёсу,
Взял сипсию в руки,
Доотказа
Набил ее дуваном,
Выкреснул
Колючую искру
И, пуская
Густые клубы дыма
Вперемежку с кольцами
большими,
На траву уселся
Неподвижно,
Поджидая
Комитов известных.

Чета шла гуськом
По тропинке.
Впереди Радойца
Никшевич —
Огромный
Черногорец,
Усатый да носатый.
Нос его торчал
Подобно клюву,
Нависая
Над синими усами,
А усы,
Как еловые лапы,
На два с лишним аршина
простирались.
Был Радойца,
Словно дуб столетний,
Жилистым,
Сухим,
Корневатым,

И, подстать
Своему телосложению,
Обзавелся
Оружием особым —
Джефердаром
Длинным, словно пика,
И кривою саблей
Непомерной.
Ствол у джефердара —
Десять метров,
Сабельный клинок —
Двенадцать метров,
А ханджар
За поясом узорным —
На два метра сорок
сантиметров.

За Радойцей,
Важно,
Вперевалку,
Как живой бурдюк
С вином приморским,
Медленно катился
Вук Стойович —
Коренастый,
Низенький,
Румяный,
Красной кровью
Налитый доотказа.
Нос у Вука
Подобен пистолету,
Щеки —
Словно два граната
спелых,
И, подстать

Кистям виноградным,
Раздуваются
Жирные усища.
За плечом
Висит мушкет короткий,
Ствол мушкета —
Толстый, как полено,
Дуло —
Небывалого калибра:
Пятьдесят четыре
сантиметра,
А раструб —
Как поярковая шляпа
С головы какого-нибудь
дива.

Вук Стойович
Любил мушкет свой дивный;
Он стрелял из него
камнями,
Презирая свинцовые пули.
Отобьет, бывало,
Прикладом
От скалы
Увесистую глыбу,
Кулаками
В дуло вколотит,
По врагу приложится
И грянет!
Не поймешь,
Гроза ли это,
Буря?
Или, может быть,
Землетрясенье?
Горы снежные
От грома трясутся,

Чета шла гуськом по тропинке.
Впереди Радойца Никшевич...

Облака удирают подальше,
А могучий Вук Стойович
Гордо
Заряжает снова толстым
камнем

Свой мушкет,
Почерневший от нагара.
Ятаган у Стойовича Вука,
Как овечий курдюк,
Свисает грузно.
Весу в этом малом
ятагане —

Двадцать шесть пудов
и восемь фунтов.

Но Стойовичу
И горя мало!
Хватит сил
И на два ятагана,
Хватит сил
И на два мушкета —
Лишь давай
Баранины побольше!
Лишь давай
Овечьего сыра!
Лишь давай
Вина и ярдума!

За Стойовичем —
Григурович Мирко,
Лешкополец,
Стройный, словно копье,
Ясноглазый
Красавец делия¹,

¹ Делия — молодец.

В черногорском празд-
ничном наряде,
Весь в узорах,
Вышитых шелками,
В жемчугах,
В золотых позументах;
Ятаган
В ножнах драгоценных,
Изукрашенных
Цветными камнями,
И приклад
Боевого джефердара
Выложен
Перламутром и кораллом.
Как посмотрит на
девушек

Мирко, —
Девушки влюбляются
Сразу,
Без оглядки
Идут
За красавцем,
Покидают хижины родные.
Солнце
Любуется Мирком,
Светлый месяц
Любуется Мирком,
Звезды
Глаз отвести не могут
От его лица золотого.

Вслед за Мирко,
Плавно и свободно,
Шел седой, как туча,
Анто Пайов.

Двести лет ему отроду
 было,
Но старик
Векам не сдавался;
За его спиной
Ширококостной,
Словно люлька вели-
 кана,
Болтались
Исполинские древние
 гусли,
И гудач¹,
Изогнутый дугою,
Был привешен
К узорному чемеру².
И дебелий старец
Шел не горбясь,
Бороду задрал
До горизонта,
Руки сильные
Скрестив,
Как ветви,
Широко раскрыв
Глаза голубые.
А за ним
Бежал вприпрыжку
Шого,
Знаменитый Шого
 Шогоница,
Хитрый Шого,
Всемирно известный
Ловкими проделками
 своими,

¹ Гудач — смычок.

² Чемер — пояс.

Головою,
Лысой, как колено,
И врожденной нелю-
 бовью
К битвам.
Несмотря на рост
Невеликий,
Несмотря на щуплые
 мышцы,
Несмотря на хилые кости,
Несмотря на природную
 леность, —
Он не раз
Выводил из затруднений
Многомощных товарищей
По чете,
Он не раз спасал
Юнаков Шаки
И врагов
Обманывал умело.
Не однажды,
Не дважды
И не трижды
Добывал он
Пециво и питу¹,
Фруметиновичи²,
Жирное мясо,
Молоко,
Вино,
Ярдум холодный,
Черный порох
И свинцовые пули.

¹ Пита — слоеный пирог с творогом.

² Фруметин — кукуруза.

И его весьма любила
Шака,
Уважали товарищи
гайдуки,
По заслугам
Ценили Шогоницу,
Воздавали честь
Его талантам.

Чета шла гуськом
По тропинке.
Друг за другом
Юнаки выступали,
Важно выпятив груди,
Сдвинув брови,
Разнородным оружием
бряцая.

Обрен ждал их,
Пуская клубы дыма,
Задувал одно кольцо в
другое
И, когда приблизились
юнаки,

Выслушал
Приветственное слово,
Встал с травы
И ласково ответил:
„Здравствуйте, юнацкая
порода!“

Комиты
Уселись на сено,
На пахучие горные травы,
А хозяин
Побежал за едою,

Приволок большую глыбу
сыра
Весом в двадцать два
пуда восемь фунтов.
Тяжело дыша
От натуги,
Он ее приволок
И промолвил:
„Ешьте вволю,
Добрые люди!“
Оживился Вук Стойович,
Вынул
Ятаган свой,
Короткий и грузный,
Стал кромсать вареный
сыр

Ятаганом,
А за ним другие не
отстали,
Обступили глыбу,
Обнажили
Острые ханджары да
сабли
И почали резать кусищи,
Так что только искры
полетели!

И сказал им
Обрен Самораный:
„Извините, желанные
гости,
Молоком угостить вас
Не могу я...
Нет сегодня молока
Ни капли!“ —

„Как ни капли?—
Заметил хитрый Шого.—
Вот же на пригорке
Пасется
Славная корова с телен-
ком!“

И ответил Обрен
Без смущенья:
„Если вам угодно,
Я согласен
Рассказать народными
стихами
Всю свою историю...“

Гости
Хором закричали:
„Просим! Просим!
Расскажи нам,
Хозяин тароватый!“
Обрен попросил у Анто
гусли,
Начал навивать струну
потуже.

Шака развалилась
На сене,
Ждет начала
Песни интересной.
Пролетал над Боровни-
ком

Ветер,
Пролетал
Досужий гуляка,
Увидал компанию
Под буком,
Сел на нижнюю ветку,
Свесил ноги,

Дунул дважды
И замер в ожиданьи.
И листва
Крестатого бука
Дважды вздрогнула.
Кривые ветви
Наклонились
И тоже стали слушать...
На лугах альпийских,
На полянах,
Словно хворост,
Пламенем объятый,
Неустанные трещат
цикады.

На вершине Боровника,
За лесом,
Чабаны распевают со-
гласно.

Солнце тонет
В дымно-красном ущелье,
Опускается
Все ниже
И ниже...
В глубине понора,
Словно сердце,
Глухо бьется
Вода ключевая.

Тут возвысил
Голос басовитый
Статный горец,
Обрен Самораный.
Затянул он песню
Громко, громко,
Засновал по струне

Смычком проворным,
И притихли
Ручьи
И цикады,
Перестала журчать
Вода в поноре,
Над горой
Остановилось солнце,
Чтобы сказку правдивую
 послушать.

Обрен
Начал такими словами:

„Сам я — местный житель
Исконный,
Из Бойовичева племени
 родом.

Двадцать лет
Я в батраках работал
У богатого Аги Оногошта.
Двадцать лет
Я работал усердно
И в награду
Получил корову.
Привязал я
К рогам моей коровы
Самовитую старую
 веревку

И пошел
Искать иного счастья.
Шел всю ночь я,
До самого рассвета,
И достиг
Подошвы Боровника.

Здесь присел я
На камень холодный
Под крестатым буком,
У понора,
Вытащил
Сипсию да чесу,
Закурил
И поглядел на небо;
Удивился,
Выронил сипсию,
Чесу бросил
И дуван рассыпал
И, сказать по правде,
Испугался:
Я увидел,
Что солнце восходит.
Не с востока,
По обыкновенью,
Но с другой стороны
 небосвода —

С запада...
И я решил остаться
У подошвы
Седого Боровника,
На Бойовичевой Луке
Раздольной,
Где кудрявый ручей
Уходит в землю,
У понора,
Под крестатым буком,
Простирающим ветви
 вековые
К тучам,
Белым, словно шерсть
 овечья

На кудели первобытной
 прялки;
Я построил шалаш
Из крепких сучьев,
Я покрыл его
Листьями бука,
Папоротником вечно-
 зеленым,
Посреди шалаша
Сложил огнище,
Из козлиных шкур
Постель наладил,
Дверь повесил —
И зажил на славу!

Дело было
Раннюю весною.
Я посеял
Ячмень длинноусый,
Посадил
Дебелый картофель
На опушке букowego
 леса,

На поляне
Широкой и ровной.
Лето красное
Прошло в работе.
Юрьев день
Наступил незаметно.
Утром Юрьева дня,
Росистой зорькой,
Был разбужен я
Пеньем быстролетным.
Я вскочил с постели,
Как безумный,

Выбежал из шалаша
На волю,
Слышу —
Кто-то сладко распевает
В глубине понора,
Под водою.
Я немедля кинулся
К понору,
Чтоб великое чудо
Разведать,
Вижу —
Крылья на траве при-
 брежной,
Крылья,
Голубые, словно небо.
Только я поднять их
 собрался,
А они захлопали сильно
И взлетели сами
На воздух.
Я разинул рот,
Развесил уши,
Но заметил
Тонкую сорочку,
Что была к лазурным
 крыльям пришита.
Ухватился я
За сорочку,
Крылья задержал
И глянул в воду.
Там, в поноре,
Купается вила¹,
Распевая
Неслыханную песню.

¹ В и л а — волшебница.

И была эта вила пре-
красна,
Словно черногорские
рощи,
Словно Ловчен¹ в сумерках,
Словно
Побережье Которского
залива.

По плечам
Рассыпаны кудри,
Словно шелк
Молодой кукурузы,
Очи синие
Сверкают ясно,
Как студёные горные
озера,

Губы —
Алая роза Приморья,
Щеки —
Весенняя лужайка,
Зубы —
Первого снега белее,
И смычками
Выгнуты брови.

И взмолилась вила
Из понора
Голосом звенящим и
стройным:

„Статный момче,
Юнак незнакомый!
Возврати мне
Крылья и сорочку“.

Я ответил виле
Без смущенья:
„Я впервые вас встречаю,
Молодуха!
Я не знаю,
Кто вы такая.
Расскажите мне
Честью и правдой,
Для чего вам
Сорочка и крылья?“

И промолвила вила
Из понора:
„Я не девушка,
Не молодуха.
Мой отец —
Огонь разящих молний,
Мать моя —
Озерная влага.
Я волшебница
Здешнего края,
Знаменитая
Кудесница-вила.
Испокон веков
Я купаюсь
Утром Юрьева дня
В поноре этом.
Испокон веков
Черногорки
В Юрьев день
Собираются у моря,
Где ручей
Опять на свет выходит,
И купаются
В воде прохладной,

¹ Ловчен — гора в Черногории.

Возвращающей
Молодость и свежесть.
Статный момче,
Юнак незнакомый!
Возврати мне
Крылья и сорочку!
Стану я
Прилетать к тебе в гости,
Помогать
В труде и охоте,
Будем мы
Частенько встречаться,
Песни петь
И плясать под старым
буком“.

И спросил я
Прекрасную вилу:
„Что вы мне оставите
залогом?“

Отвечает вила
Улыбаясь:
„Статный момче,
Юнак незнакомый!
Я тебе кольцо свое
оставлю,
Колдовское кольцо
В залог оставлю,
Самородного золота
колечко
С драгоценным камнем,
На котором
Резано мое изображение.
Кто владеет
Колечком заветным,

Может мной повелевать
По праву.
Если кликнет он меня
Да свистнет,
Я тотчас
Должна к нему
являться!“

Так сказала вила
И метнула
Мне колечко в руки,
Словно искру.
Я надел его
На палец безымянный
И пустил
Сорочку и крылья.
Вышла вила
Из темного понора,
Подошла ко мне,
Приласкалась,
Повела меня
По тропинке,
По цветам,
По траве росистой,
Привела к шалашу
И засмеялась...
И воскликнул я
Голосом зычным:
„Благо мне
Сегодня и навеки!“
Тут нагнулась
Коварная вила,
Незабудку махровую
сорвала,
Поднесла мне цветок
И сказала:

„Не забудь меня,
 Юнак пригожий!“
 И едва
 Я к цветку прикоснулся,
 Как подкошенный
 Упал я на землю
 И заснул
 И спал двенадцать суток.
 А когда проснулся,
 Ни колечка,
 Ни волшебницы
 Не было в помине!
 Снял я гусли с крюка,
 Настроил быстро
 И запел
 Горючую песню,
 Проклял вилу
 И собственную глупость.
 И услышал
 Ворожейный голос
 С дымно-сизой вершины
 Боровника:

„Ой, ты, Обрен,
 Герой горемычный!
 Не брани меня
 И зря не сетуй!
 В Юрьев день,
 До восхода солнца,
 Каждый год
 Меня ты видеть
 сможешь,
 Но не чаще,
 Мой Обрен Самораный!
 Но не чаще,
 Юнак мой неудачный!

Если же с тобой
 Беда случится,
 Ты взови ко мне,
 Погромче кликни,
 Я тогда приду
 К тебе на помощь,
 Выручу от черной
 напасти...“

Так сказала вила
 И замолкла.
 С той поры
 Я живу одиноко,
 Вечерами
 Сажу перед огнищем,
 С гуслиами веду разгово-
 ры,
 Призываю песнями вилу,
 Спать ложусь
 На козлиные шкуры.
 И во сне
 Опять люблюсь вилой.

Так прошла туманная
 осень...
 Наступила зима,
 Сковала воды,
 Побелила поляны да
 опушки,
 Загудела
 В глубоких ущельях.
 И случилось так,
 Что я остался
 Без вареного сыра,
 Без хлеба,
 Кончились и мука и мясо,

И корова
Перестала доиться,
Ибо к ней дошла
Пора отела.
Я решил пойти на охоту.
Трое суток
По горам скитался
И не встретил
Никакой дичины.
А бывало,
Множество зайцев
Попадалось
На моей дороге,
Кабанов убивал я
Не однажды,
Брал живьем
Медведей чернобурых,
Перепелок бил
И тетерок,
А теперь ничего,
Хоть лопни!
Очумев от голода и злобы,
Я упал
На колючую землю
И воззвал к волшебнице-
виле.

И ответила вила
С Боровника:
„Ой, ты, момче,
Обрен Самораный!
Вон сидит орел
На утесе.
Оседлай орла поскорее
И лети к шалашу
Под старым буком;

Там случилось великое
несчастье:
Стая лютых волков
окужила
Миловидную твою корову.
Поспешай!
Не жди ни мгновенья!
А не то
Коровы лишишься!“

Оглянулся я
И на утесе
Исполинского орла
приметил;

Два часа
Гонял его по лесу,
Наконец поймал,
Ухватился
За мохнатую сильную шею,
Сел верхом
На горбатую спину
И стрелой помчался
Прямо к дому.
Долетел до крестатого
бука,

Долетел до глубокого
понора

И увидел корову
На поляне.
На рогах по мертвому
волку,

Волчьи туши
Простерты на сугробах,
Волчьи трупы
Валяются повсюду,

А под брюхом
Храброй буренки
Жметя новорожденный
теленоч.

Мигом ободрал я
Волчьи шкуры,
Подоил корову
Прямо в шапку.
С той поры,
Дорогие гайдуки,
Молока у меня
Никак не меньше,
Чем воды
В глубокой Мораче!
А из сыра
Я кладу заборы!
Вот какое дивное дело!

Но сегодня
Новое чудо
Приключилось со мной
До полудня.
Стал косить я траву
Косою ржавой,
Выкосил половину лужайки
И под лопухом широко-
листым

На детенышей ласки
Наткнулся.
Я отнес их в сторону,
Подальше,
Чтобы не задеть их
косою...

В это время
Ласка прибежала,

Видит —
Нет ее детенышей милых!
Тут она, как змея,
зашипела,

Кинулась
Направо и налево,
Трижды вокруг меня
обежала

И нырнула
В некошенные травы.
Через две или три
минутки

Ласка появилась
На пригорке,
Черный корень
Сжимая зубами,
И помчалась к буку,
На котором
На цветущей ветке
Висело
Молоко в котелке чугунном.
Добежала ласка до бука,
Поползла
По ветке цветущей,
Выплюнула ядовитый
корень

В котелок,
Висевший на ветке,
Соскользнула с дерева
На землю
И в корнях переплетенных
Скрылась.

И услышал я голос
С Боровника:

„Бедный малый,
Обрен Самораный!
Ты не смей
К молоку прикасаться!
Ты вернись
К своему косовищу,
Положи детенышей
На место,
На траву,
Под лопух широко-
листый,

А не то
Глубокой ночью
Ласка
Отгрызет тебе начисто уши!“

Я исполнил немедля
приказанье,
И, когда нашла детены-
шей ласка,
В обморок от радости
упала,

Слезы брызнули
Из глаз померкших;
Полежала она
С полминуты,
А потом
Направилась к буку,
Перегрызла зубами
Веревку,
И котел
Кувыркнулся по при-
горку,

Молско пролилось,
Слоено дождик,

Не осталось
Ни единой капли.
Трижды ласка
Мне в ноги поклонилась,
Трижды предо мною
сплясала,
Словно танцовщица из
Котора¹,
И ушла под буковые
корни...

Вот, юнаки,
По какой причине
Молока я не пил сегодня!
Вот, юнаки,
По какой причине
Угостить вас молоком
Не могу я!“

Так закончил Обрен
Самораный,
Возвратил с поклоном
гусли Анто,
Трубку длинную
Набил дуваном,
Закурил
И окутался дымом.
В глубине понора
Шепчут струи,
Звезды ясные
Над миром светят,
Комиты
Понурились устало

¹ Котор — приморский город.

И мечтают
О сне безмятежном,
Думают
О завтрашних битвах,
О грядущих подвигах
Славных.

Вот и вся правдивая
сказка!

Кто не верит,
Может проверить,
Ибо горец
Обрен Самораный
До сих пор живет
И не горюет

У подножья седого Бо-
ровника,
На Бойовичевой Луке
Раздольной,
Где кудрявый ручей
Уходит в землю,
У понора,
Под крестатым буком,
Простирающим ветви

вековые
К тучам,
Белым, словно шерсть
овечья
На кудели первобытной
прялки...

СКАЗКА ПРО КЕСАРЯ ДУКЛЯНА И ПРОРОКА ИЛИЮ, ЧЕРНОГОРСКОГО ДЕЛИЮ

В желтый полдень
Под желтым небосводом
Среди желтых скал
Боровника

Комиты
Расположились на
отдых;

Прислонили джефердары
К утесам,
Влажные опанки¹ разули
И повесили сушиться
На солнце;
Сами же
Укрылись травой

И заснули
Сном богатырским.

Трое суток
Юнаки храпели,
На четвертые сутки,
Под утро,
Разбудил их
Зычный гром небесный.
Поглядели юнаки
На небо:
Небо грозными тучами
покрыто,

Молнии
Сверкают, как

ханджары,

¹ Опанки — лапти из кожи.

Пробивают темень
Клинками.
А над молниями,
Быстро-быстро,
Грохоча и лязгая,
Летают
Крыльями снабженные
колеса.

Комиты
Носы задрали кверху,
Рты разинули
От удивленья...
И промолвил
Никшевич Родойца,
Предводитель
Партизанской четы:
„Что за чорт
Посмел летать
Над нами
На каких-то колесах
Крылатых?“
Вук Стойович,
Толстый забияка,
Фистулою вторил атаману:
„Наказать примерно
Чародея!
Расстрелять его
Из джефердаров!“
И красавец
Григурович Мирко,
Покраснев от волненья,
Заметил:
„Не стреляйте,
Братья юнаки!

Может, какая-нибудь
вила
Тешится игрой
Небесных молний!..“
Хитроумный Шого
Шогоница,
Всем известный
Храбростью свирепой,
Согласился
С Мирко
И прибавил:
„Не стреляйте!
Прошу вас,
Не стреляйте!
Может, там
Какой-нибудь волшебник
Или сильный Див одно-
глазый?
Для чего нам
Дразнить его напрасно?
Он еще рассердится,
пожалуй,
Молнией
Положит нас на месте!“
Так сказали четверо
юнаков,
Но молчал
Премудрый Анто Пайов,
Ветеран
Сражений партизанских,
Двухсотлетний гусяр
Седобородый.
И спросили его
Партизаны:

„Отчего молчишь ты,
Вещий Анто?“
И старик
Ответил улыбаясь:
„Я молчу,
Потому что знаю
Всю историю
Колес крылатых!
Нужды нет
Пререкаться гайдукам,
Как старухам
На цетинском базаре!
Скоро хлынет
Ливень изрядный
И гроза большая
Разразится.
Не пора ли нам спря-
таться

В пещере,
Развести огонь,
Зажарить мяса?
И, пока баранина поспеет,
Я спою вам
Про кесаря Дукляна
И юнацкого пророка
Илию,
Черногорского старого
делию“.

Согласилась чета
С бодрым старцем.
Комиты
Забрались в пещеру,
Развели живой костер
У входа,

Стали жарить
На вертеле мясо.
Анто Пайов
Гусли настроил,
Сел на камень
Возле кострища.
Вкруг него прикорнули
гайдуки,
И под стоны
Угрюмой непогоды
Зазвучала вещая песня...

В отдаленном прошлом,
В давнее время,
В те года,
Повитые туманом,
Возле устьев Морачи
и Зеты,
Где встречаются
Воды и ветры,
Жил Дуклян,
Владыка вселенной,
Знаменитый римский
император.

Здесь построил он
Свою столицу,
В честь свою
Назвал ее
Дукля,
Окружил ее
Стенами крутыми,
Опоясал крепостными
валами,
Ров прорыл вокруг
И наполнил

Черным дегтём,
Вязкой смолою,
Ров прорыл второй
И наполнил
Водами Зеты и Морачи.
Повелел собрать воловьи
кожи
И покрыл столицу попоной;
Так столица
Кесаря Дукляна
Стала неприступной
Отовсюду.

Из Албанских гор
Реку отвел он,
По прозванию Цийевна.
Отныне
Городские улицы
В Дукле
Освежались влагой
родниковой.

Снял он с неба
Красное солнце
И носил его с собой
Повсюду.
Где пройдет —
Деревья засыхают,
Травы вянут,
Иссякают потоки
И цветы
Превращаются в уголь.
А когда Дуклян
В постель ложился,
Выставлял он
Краденое солнце

На копьё
Исполинского размера
В середине кожаного неба.
А под этим небом
Проклятым
Вместо летнего дождя
Живого
Лили слуги кесаря Дукляна
Воду Цийевны
Из труб свинцовых,
Били в бубны,
Гром изображая,
И стреляли
Из чугунных пушек.
Ни сказать,
Ни высказать вовеки,
Как страдала
Держава Дукляна
От несносного
Солнечного жара,
От лучей
Беспощадного светила!
А другие народы
Коснели
В темноте,
Лишенные солнца,
Зуб на зуб не попадал
От мороза,
Лютый холод
Сковывал дыханье...

И заклился
Пророк Илия,
Черногорский славный
делия,

Он решил отнять
У Дукляна
Солнце,
Что украл свирепый
 кесарь.

Он решил отнять это
 солнце,
Отнести на общее небо
И повесить
На старое место.

Но проникнуть в Дуклю
Невозможно.
Даже чудотворец и
 волшебник,
Хитроумный Илия
Не в силах
Раздобыть
В Дуклянову столицу
Пропуск
С подписью начальника
 стражи.

Возле города
Илия шныряет,
Прикрывает лицо
 джамаданом,
Чтоб его перьяники¹ не
 узнали,
Переходит вброд
Морачу и Зету,
Ждет,
Высматривает,
Щупает почву,

¹ Перьяник — дружинник, воин.

Как ему до кесаря
 добраться!

И разведал
Черногорец Илия,
Что Дуклян
Частенько ходит к морю
И купается
В волнах Ядрана.
И еще разведал Илия,
Что Дуклян
Всегда берет с собою
Солнце, им украденное
 с неба.
Радостно Илия улыб-
 нулся,

Бороду кудрявую
Погладил,
Капу¹ старую
На лоб надвинул
И пошел к городским
 воротам.

С долгим скрежетом
Открылись ворота,
И Дуклян
В малиновом алине²
Быстрым шагом
Из города вышел
И направился
К синему Ядру.
Подлетел к нему
Пророк Илия,
Сделал вид,

¹ Капа — круглая шапочка.

² Алин — верхняя одежда.

А когда Дуклян в постель ложился,
Выставлял он краденое солнце...

Что не узнал Дукляна,
И завел с ним
Ловкую беседу,
Придружился к нему
Незаметно,
Незаметно втерся

в доверье,

И пошли они к Ядрани
Вместе,
Стали вместе купаться
В Ядрани.

Разбежался Дуклян
По косовету,
Прыгнул в море
На сто километров,
А пророк Илиа раз-
бежался

И на двести километров
Прыгнул!
Плавает Дуклян
В морских пучинах,
Загребает
Правою рукою,
В левой держит
Краденое солнце,
Ни за что его не
выпускает.

И сказал ему
Пророк Илиа:
„Знаешь что,
Юнацкое сердце!
Мы затеем с тобой
соревнованье:
Кто из нас

Нырнет в Ядран
Поглубже,
Кто из нас
Вернется пораньше —
Будет победителем
считаться!“ —

„Что ж,
Ныряй! —
Сказал Дуклян Илие. —
Принеси песок
Со дна Ядрани!“
Прыгнул в море пророк,
Здравши ноги,
Пена брызнула,
Волны заходили,
А Дуклян
На берегу остался,
Сел на камень,
Уставился на воду,
Ждет-пождет —
Никак не дождетсЯ.
Двести лет прошло,
И нет Илии!
Лишь на двести первый
год

Показалась
Голова пророка
Из Ядрани.
Выскочил Илиа
На берег,
Положил к ногам Дукляна
жемчуг.
И сказал ему кесарь
Сердито:

„Ой, нырятьщик,
Слава вселенной!
Что-то долго ты
задержался!

Я, пожалуй,
Вернусь пораньше,
Я, пожалуй,
Нырну поглубже!
Вот я солнце свое
Кладу на камень,
Ты не смей его руками
трогать!..“

И Дуклян
Подпрыгнул до неба
И упал
На середину моря.
Расступились волны,
Всколыхнулись
И сомкнулись
Над его головою.
Тут Илия
Взял свою дубину,
Девять раз махнул
Над Ядраном —
И замерзло
Синее море,
Девятью слоями льда
покрылось,
Каждый слой
Толщиной в триста
метров.

Подхватил пророк
Дукляново солнце
И давай бежать —
Куда бог ноги!

По дороге
Ему орел попался.
Оседлал его
Пророк Илия,
Сел верхом
И полетел на небо,
Чтобы солнце на место
повесить.

Между тем
Дуклян, буравя воду,
Шел ко дну,
Как якорь корабельный.
Много лет он шел ко дну,
Как якорь;
Надоело кесарю
До смерти
Пребывать в пучинах
Ядрана!

Размахнул он
Обеими руками,
Заболтал ногами,
Зафыркал,
Наглotalся воды солоно-
горькой;
Наконец, и дно
показалось!

Взял Дуклян
Морской песок в ладони,
Оттолкнулся
И поплыл обратно.
Он поплыл
С гигантской быстротою,
Юркнул,
Словно молния сухая,

Грохнулся
О ледяные своды;
Восемь ледяных слоев
Пробил он,
Но девятого не мог
осилить
И пошел назад
На дно Ядрана.

И тогда наш Дуклян
догадался

О своем позорном
несчастье.

Понял он,
Что солнышка-то нету!
Дыбом встали
Волосы Дукляна,
Кровью налились
Глаза Дукляна,
Зубы щелкнули,
Раздулись щеки,
Сжались кулаки,
Скривились губы,
И собрал он
Все свои силы,
Ото дна оторвал
Утес гранитный,
Всплыл наверх
Со скоростью света
И ударил о лед утесом.
Вся земля всколыхнулась,
Как тесто,
Дрогнуло высокое небо,
И Дуклян
Взлетел над Ядраном

На двенадцать тысяч
километров.

И заметил он
Пророка Илию
С красным солнцем,
Зажатым подмышкой,
И погнался Дуклян
За пророком,
Угрожая утесом
гранитным.

Шесть столетий
Он бежал вдогонку,
На седьмое
Догнал вероломца
На вершине
Девятого неба,
У дворца
Первородного бога,
Многодряхлого бога
Перуна.

Тут лихая завязалась
драка

У дворцовых ворот
Золоченых;
Замахнулся Дуклян
На Илию,
Хочет голову разбить
Утесом,
А пророк
Лягается, как лошадь,
Вышиб камень
Из рук Дукляна.
И упала глыба
На землю,

Возле самой Бойовичевой
Луки,
Проросла могучим лесом
Сосновым,
И ее прозвали Боров-
ником.

Мы сейчас на ней
сидим, юнаки!..

Продолжается драка
На небе,
Вырванные волосы
Порхают,
Кулаки стучат,
Подобно бубнам,
И дыханья
Свистят, как ураганы.
И на этот страшный
крик и топот

Прибежал
Перун многодряхлый,
Отпер золоченые ворота,
Высунул наружу
Нос багровый
И позвал пророка Илию.
Кинулся Илия
К Перуну
И давай от Дукляна
отбиваться;

Тот его схватил
За обе пятки,
Разом вырвал
По куску из каждой,
Но Илия уже за
порогом!

Плюнул он в лицо
Супостату
И ворота заложил
засовом.

Видит кесарь —
Кончена драка.
Сплыл пророк,
А вместе с ним и солнце!
Обругал всердцах
Дуклян пророка,
Вытер пот,
Махнул рукой с досады,
Кожу с пяток Илии
Нарезал
Тонкими и длинными
ремнями

И, связав их
Между собою,
Невредимо спустился
На землю.
А пророк
Немного отдышался
И повесил солнце
На место.
Бог Перун
Ему сказал — спасибо!
Но Илия
Буркнул угрюмо:
„Многодряхлый боже
Перуне!

Деду своему
Скажи спасибо!
Посмотри на ступни мои
Больные,

**Замахнулся Дуклян на Илию,
Хочет голову разбить утесом...**

Чтоб сыскать
Пропавшего пророка,
Оковать его
И в море бросить.
И однажды
Возле Морачи
Встретил он под вечер
Илию,

Не узнал
Безбородого героя
И сказал ему
Такое слово:
„Добрый вечер,
Гайдук неизвестный!
Вы, наверно,
Идете издалека?
Пыль дорожная
Покрыла струку,
На ногах
Опанки протерлись.
Может быть,
Вы где-нибудь встречали
Моего заклётого
душмана¹,

Супостата моего —
Илию,
Черногорского славного
делию?

Для него
Сковал я вериги,
Но никак не отыщу
пророка!“

Отвечает Илия
Дукляну:

„Да, конечно,
В странствиях далеких
Приходилось мне
Встречать Илию.
Борода у него
По колению,
А усы
Пошире плеч могучих“.

Говорит пророку
Император:
„Расскажите мне,
Бывалый странник,
Не толста ли
Ядреная шея
У душмана моего
Векового?
Подойдут ли вериги
По размеру?
Может, надо
Убавить или прибавить?“
Отвечает кесарю
Илия:

„Шея у него
Точь в точь, как
ваша!

Вы примерьте
Чугунные вериги,
И тогда
Вам станет сразу ясно,
Нужно ли
Убавить или прибавить!“

Одевает кесарь вериги,
А вериги
Сплавилась на шее.

¹ Душман — кровный враг.

Стал срывать их
Дуклян обомлевший,
Только ногти обломал
Изрядно.
А пророк
Ему в лицо смеется:
„Вы меня не признали,
Император,
Не признали меня,
Великий кесарь?
Это же я сам,
Пророк Илия,
Черногорский славный
деляя!

Вы теперь в моих руках
Всецело,
Вы в моей несокрушимой
власти!

Отдохнет от вас
Народ черногорский
И другие земные народы“.
За собой
Повел пророк Дукляна,
Как медведя ученого
Повел он,
На Визиров мост
Привел беднягу
И толкнул его
В волны Морачи.
И в Морачу
Плюхнулся кесарь,
И вериги
Его потянули
В белопенную
Влажную пучину...

С той поры
Лежит на дне Морачи
Император,
Окованный цепями,
Цепи лижет
Языком шершавым;
И к исходу
Каждого года
Истончается чугуна
дебелый.

Но пред новым годом,
На рассвете,
Кузнецы страны Черно-
горской

Молотами бьют
По наковальням,
По пустым наковальням
Бьют под утро,
И вериги
На шее Дукляна
От ударов этих согласных
Вновь становятся
толстыми.

И кесарь
Принимается
За прежнюю работу —
Языком шершавым
Цепи лижет,
Глухо стонет,
Ругает пророка,
Кузнецов прокликает
Черногорских.
И трясется Визиров мост,
И волны
Ходят ходуном,

И плотина
Жалобно гудит,
Отзываясь
На Дукляновы вопли
и стоны.

Старый бог, Перун
Многодряхлый,
Одряхлел и постарел
Еще больше.
Он ослеп,
Оглох,
Ополоумел
И веревку
Из бороды пророка
Отвязал
И бросил на землю,
Чтоб его никто
Не беспокоил.
А пророк
Отказался от Перуна
И пошел
Кузнецом работать.
Он построил

Собственную кузню.
В ней кует он
Молнии и громы,
Джефердары,
Острые ханджары,
Косы,
Топоры,
Ятаганы.
И придумал он
Крылатые колеса,
И сковал
Крылатые колеса.
Он летает на них
Под облаками,
Проверяет,
На своем ли месте
Наше общее красное
солнце.

И сегодня
Он летал над нами,
Знаменитый кузнец —
Пророк Илия,
Черногорский славный
деляя!

